

DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-3-441-458

Научная статья / Research article

Россия в Большом Средиземноморье: новый тихоокеанско-европейский транзит

И.А. Чихарев

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация
 ichikharev@yandex.ru

Аннотация. Актуальность затрагиваемых в статье вопросов связана с активным возвращением России в Средиземноморский регион, а также происходящими в нем международно-политическими трансформациями. Цель статьи — выявление исторических оснований, современного состояния и стратегических перспектив присутствия и международного влияния России в регионе Большого Средиземноморья (БС). Статья опирается на методологию критической геополитики, историко-сравнительный подход, с помощью которых анализируются геополитические конструкции региона, построенные в интересах различных региональных и внерегиональных политических сил. Используется исторический материал древнего, средневекового, нового и новейшего периодов в истории макрорегиона, включая малоизученные времена монгольского присутствия на восточных берегах Средиземного моря. В научный оборот вводятся работы по истории, географии и международным отношениям в регионе, написанные в XVIII—XIX вв., а также современная научная информация о тенденциях технологического, инфраструктурного и политического развития Средиземноморья. Важным элементом является тезис об особой роли России в тихоокеанско-европейском (евразийском) транзите. С точки зрения автора, он включает в себя не только полноценную реализацию транспортно-логистического потенциала России в макрорегионе, но и трансфер современных технологий, а также содействие формированию устойчивых политических режимов. Делается вывод о глубоких исторических основаниях присутствия и влияния России в регионе, обосновываются его стратегические перспективы, выделяются основные направления международной деятельности Российской Федерации в Средиземноморском регионе. Важным выводом статьи является тезис о необходимости многостороннего сбалансированного подхода к решению макрорегиональных проблем.

Ключевые слова: Средиземноморский регион, история международных отношений, геополитика, геостратегия, критическая геополитика, внешняя политика России

Для цитирования: Чихарев И.А. Россия в Большом Средиземноморье: новый тихоокеанско-европейский транзит // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 3. С. 441—458. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-3-441-458

Russia in Greater Mediterranean: New Pacific Eurasian Transition

Ivan A. Chikharev

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
 ichikharev@yandex.ru

Abstract. The relevance of the issues raised in the article is related to the active return of Russia to the Mediterranean region, as well as the international political transformations taking place in it. The purpose of the article is to identify the historical foundations, current state and strategic prospects of Russia's presence and

© Чихарев И.А., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

international influence in the Greater Mediterranean region. The article is based on the methodology of critical geopolitics, historical and comparative approaches, which critically analyze the geopolitical structures of the region, built in the interests of various regional and extra-regional political forces. The historical material of the ancient, medieval, new and modern periods in the history of the macro-region is used, including the poorly studied times of the Mongol presence on the eastern shores of the Mediterranean Sea. Scientific works on the history, geography and international relations in the region, written in the 18th — 19th centuries, as well as modern scientific information on the trends of technological, infrastructural and political development of the Mediterranean region are introduced into scientific circulation. An important element of the article is the thesis about the special role of Russia in the Pacific-European (Eurasian) transit. From the author's point of view, it includes not only the full implementation of Russia's transport and logistics potential in the macro-region, but also the transfer of modern technologies, as well as the promotion of the formation of sustainable political regimes. As a result, a conclusion is made about the deep historical foundations of Russia's presence and influence in the region, its strategic prospects are justified, and the main directions of our country's international activities in the Mediterranean region are highlighted. An important conclusion of the article is the thesis about the need for a multilateral balanced approach to solving macro-regional problems.

Key words: Mediterranean region, history of international relations, geopolitics, geostrategy, critical geopolitics, Russian foreign policy

For citation: Chikharev, I. A. (2021). Russia in Greater Mediterranean: New Pacific Eurasian Transition. *Vestnik RUDN. International Relations*, 21(3), 441—458. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-3-441-458>

Введение

Активное возвращение России в регион Большого Средиземноморья¹ в последние семь лет, воссоединение Крыма и Севастополя с Россией, ее возросшая роль в ближневосточных, североафриканских и южноевропейских политических процессах, новый характер взаимоотношений с Турцией и Ираном сделали Российскую Федерацию одной из основных держав макрорегиона (Нечаев и др., 2019). Для России Средиземноморье становится одним из ключевых, опорных направлений внешней политики и геостратегии наряду с Дальневосточным, Азиатско-Тихоокеанским, Арктическим и Евроатлантическим (Зопова, 2015). При этом за рубежом политика России в Средиземноморском

регионе зачастую рассматривается как чужеродное и опасное для него явление. Россия воспринимается западными государствами как внерегиональная держава, а ее интересы — как имперские амбиции, опирающиеся на жесткую военную мощь или информационные/гибридные войны и играющие деструктивную роль в региональных процессах (Litsas, 2016).

Действительно, в условиях острой конкуренции России и Запада обе стороны действуют с позиций силы, и России приходится максимально жестко отстаивать свои интересы. Однако за пределами конъюнктурного подхода у России обнаруживаются глубокие исторические основания, опыт и стратегические перспективы конструктивного, разумного, а главное — многостороннего влияния в регионе БС, позволяющие избежать односторонности и «биполярных расстройств».

Более двух с половиной тысяч лет территории, которые занимает современная Россия, разнопланово взаимодействовали со Средиземноморским регионом, испытывали его воздействие и полноправно участвовали в созидании центральной цивилизации. Сегодня территория России частично связывает Средиземное море (а через него — Западную Европу и Атлантику) со всем евразийским пространством, в юго-восточной части

¹ Понятие «Большого Средиземноморья» определено автором в статье «Большое Средиземноморье как многомерный объект политических исследований». «Предлагается концептуализация Большого Средиземноморья как 1) современных государств бассейна Средиземного, Черного и Азовского морей; 2) регионов, в которые включены данные государства; 3) регионов, описываемых контурами империй и цивилизаций, имевших выход к Средиземноморью и влиявших на его развитие; 4) срединных регионов, функционально подобных Средиземноморью; 5) сферы многосторонних глобальных коммуникаций, включающей Средиземноморье и соотносимой с ним». См.: (Чихарев, 2021).

которого располагаются наиболее динамично развивающиеся экономики мира — Китай и Индия, а на севере — наиболее перспективный морской путь, источник ресурсов и плацдарм обеспечения глобальной безопасности — Арктика (Столетов и др., 2019).

Как ведущая военная держава Восточно-го полушария Российская Федерация обладает решающим потенциалом влияния на безопасность не только Средиземноморья, но и всей евразийской инфраструктуры. В том, каким образом будет использован этот потенциал, нет никакой предопределенности — у России нет «запрограммированных» агрессивных планов, как не может быть иллюзий, что она не будет отвечать со всей жесткостью на угрозы ее интересам. В условиях исторической усталости России от войн и революций она скорее будет склоняться к мирной (мирной) политике, обеспечивающей соразвитие РФ и ее партнеров («строить Россию мировым равновесием сил»), избегающей конфликтов и кризисов (Ильин, 1956, с. 98). Однако фактическое проецирование силы и применение тех или иных ее компонентов будет зависеть от встречной готовности и западных и региональных держав к равному партнерству в регионе Большого Средиземноморья, частью которого является Россия и в котором она имеет стратегические интересы. Существует возможность, что новый баланс сил (причем сил не только «жестких», но «мягких» и «умных») в регионе, важной стороной которого будет Россия, позволит обеспечить безопасность и устойчивое развитие всего Средиземноморья.

В статье рассматриваются пространственно-географические и исторические основания отнесения России к региону БС и ее стратегические приоритеты в этом макрорегионе на ближайшие десятилетия. Основное внимание будет уделено уникальному потенциалу России в обеспечении мирного евразийско-средиземноморского транзита как важнейшей оси или связке процессов глобального развития XXI в.

В теоретическом плане автор опирается на концепт «Большого Средиземноморья», который уточняет на основании исторических

и геополитических исследований. В основе методологии — критическая геополитика (O'Tuathail, 1998), а также более широкая эпистемологическая рамка, включающая в себя постструктурализм и одновременно социальный конструктивизм.

Критическая геополитика Большого Средиземноморья

В данном исследовании мы исходим из достаточно гибких «методологических» установок критической геополитики — нового направления геополитической мысли, сложившегося в последние несколько десятилетий. Его главной характеристикой является существенное расширение и усложнение геополитической картины мира с учетом множества новых геополитических практик и дискурсов. Оно предполагает критику и деконструкцию монологических и бинарных конструкций классической геополитики, учет, с одной стороны, традиционных «незападных» составляющих в глобальном политическом пространстве, а с другой — «сверхновых» геостратегических реалий. Это новые формы коммуникаций, гибридные войны, киберсоциальные явления и др. (O'Tuathail, 1998).

Критическое геополитическое исследование БС должно начинаться с обсуждения существующих геополитических концепций Средиземноморья. Проведем критический анализ следующих моделей:

1) Евросредиземноморье — сложившееся в 1990-х гг. представление, согласно которому Средиземное море является зоной ответственности Европейского союза, а сам ЕС — средиземноморский союз (Vicchi, 2011);

2) Англосаксонское Средиземноморье — представление о том, что Средиземное море остается частью сети морского влияния Великобритании, а сама Британия выступает ключевым средиземноморским игроком;

3) Евроатлантическое Средиземноморье — море как вход атлантических держав внутрь Евразийского пространства;

4) Средиземное море как собственность малых региональных держав;

5) Средиземноморье как фрагментированная совокупность субрегионов.

Следующий объект критической деконструкции — бинарные оппозиции Средиземноморья: западное / восточное, северное / южное, Средиземное море / Черное и Азовское море.

Однако начнем с преодоления базовой территориальной предопределенности. Первым шагом в деконструкции догматических моделей Средиземноморья должен стать отказ от его геополитической привязки к Средиземному морю в узком географическом смысле. Абсурдность такого сужения очевидна: сведение геополитического значения Средиземноморья к большой и произвольно ограниченной «большой воде» не приводит ни к чему, кроме натуралистических заблуждений. Море как таковое не является ни субъектом, ни объектом геополитики: оно существует как система межсубъектных связей, пространство Средиземноморья реляционно, а не субстанциально. Эта очевидная констатация подвергает сомнению вневременной характер любой модели Средиземноморья: каждый раз оно определяется условными границами этой сложнейшей «ризомы». Наше суждение не исключает возможности и даже необходимости квантификации и измерения таких связей. Но оно не может быть одномерным и статичным, сработает только постоянный мониторинг больших потоковых данных о социальных процессах в Средиземноморье (Чихарев, Бровко, 2018).

Следующий шаг деконструкции — детерриториализация и даже деакваториализация Средиземноморья. Как особая система коммуникации Средиземноморье может воплотиться практически в любом регионе планеты, способствующем многостороннему общению. Это не означает, что теперь «все — это Средиземноморье». В каждый исторический период бытуют свои средиземноморья, и не всегда Средиземноморье в привычном географическом смысле — главное из них (Abulafia, 2005).

Исходя из сказанного выше о системе связей, топонимическое Средиземноморье в реальности связано со средиземными пространствами, далеко выходящими за пределы Средиземноморского бассейна. Обычно

говорят лишь о двух — Атлантическом и Индийском океанах. Но есть и броделевская Сахара, и Евразийская степь, и Северное Средиземноморье — Балтика, и ближневосточное Междуречье, и бассейны русских и восточно-европейских рек. Атлантический и Индоокеанский азимуты Средиземноморья — наследие имперских политик США и Великобритании. По ним англосаксонские державы пролагали свои основные геостратегические маршруты. Инерция в исследовании Средиземноморья выгодна только этим державам — благодаря им закрепляются в качестве «вечных» и «естественных» рамки изучения и освоения этого богатого ресурсами региона. При этом «за рамкой», вне поля зрения с данной перспективой остается бесчисленное множество обстоятельств цивилизационного развития макрорегиона, что приводит к их выхолащиванию и как следствие — ставит под угрозу устойчивость развития. Это является основным недостатком существующих геополитических моделей Средиземноморья: все они ограничены и имеют существенные уклонь.

Евро-средиземноморская модель (в данном случае имеется в виду модель Средиземноморья, предлагаемая ЕС, а не древнейшая традиция зарождения и «похищения» Европы в Средиземноморье) — одна из наиболее молодых, но при этом экспансивных. Именно в рамках евро-средиземноморской парадигмы макрорегион рассматривается чаще всего в научной литературе конца XX — начале XXI в. До 70-х гг. XX в. даже Южная Европа до конца не рассматривалась как часть европейского ядра: «больной человек» Европы Испания, авторитарная и относительно слабо развитая Греция, относившиеся к социалистическому лагерю Югославия, Болгария и Румыния относительно недавно попали в европейскую орбиту. Однако за очень короткое по историческим меркам время ЕС построил огромное количество планов не только по интеграции этого пространства, но и по вовлечению в свой проект Северной Африки и Ближнего Востока.

Планам не суждено было сбыться по ряду причин, наиболее очевидная из которых —

внутренние проблемы ЕС, тенденции дезинтеграции, сложности миграционной политики (Krausch & Youngs, 2009). Евросредиземноморский проект должен был стать апофеозом «геополитики расширения» — ключевого международного дискурса современной эпохи. Но вместо этого явственно обозначил ее пределы — в России и Турции, на Балканах и Украине, в Северной Африке и на Ближнем Востоке и даже в Каталонии и на севере Италии. Отведенное России место в этом проекте нельзя воспринимать без иронии — она оказалась единственной (!) из трех десятков граничащих со Средиземноморским бассейном стран, которая не была частью евро-средиземноморского проекта ни в каком отношении, так как не входила в разряд «соседей» ЕС и в Союз для Средиземноморья. Достаточно иллюстративна карта на обложке журнала *Mediterranean Politics*² — если верить ей, то в северном Причерноморье государств нет, а Крым не является полуостровом.

Евро-средиземноморский проект — классический казус геополитического перспективизма со всеми недостатками — сужением кругозора, а главное — стремлением навязывать пространству единственное видение. Как и любой проект подобного рода, он еще долго будет жить среди расхожих мнений, заблуждений и стереотипов, как и нафталиновый призрак англосаксонского Средиземноморья, но в прежнем своем урезанном издании он не имеет будущего.

Что касается англосаксонской «карты» рассматриваемого региона, то она наоборот является наиболее старой из ныне распространенных. Этот конструкт берет свое начало с XVIII в., когда британцы стали вести интенсивный поиск средиземноморско-ближневосточного пути в Индию. Собственно благодаря этим усилиям и сложилась современная география Средиземноморья как таковая. Ее основной признак — рассмотрение великого моря как важнейшего моста в континентально-океанических коммуникациях и как способа для морских держав проникнуть в толщу

континента. Соответственно, коль скоро владычицей морей была Великобритания, она воспринимала Средиземное море как часть своих «законных» владений.

Еще во второй половине XVIII в. появляется ряд довольно «практических» работ британских авторов о необходимости поиска торговых путей из Средиземноморья в Индию, а также наращивания в регионе морской мощи в условиях конкуренции со стороны других империй, среди которых была и Россия (Irwin, 1785; Campbell, 1795). Эти труды стали основой стратегии Великобритании в регионе в XIX столетии. В первой половине XIX в. появляются фундаментальные работы уже о колониальных владениях Британии в Средиземноморье (Martin, 1837). Критический анализ британского присутствия в Средиземном море проводили интеллектуалы конкурирующих империй, в том числе Российской (Ротчев, 1991). Составляется ряд специализированных (Purdy, 1826) и очень подробных работ по географии региона, в частности «мемуар» британского адмирала Смайта, в котором не только дается географическое описание региона по воспоминаниям автора, но и приводится ретроспектива исследований региона со времен финикийцев. Автор приходит к выводу о глобальной роли торговых практик, зародившихся в Средиземноморье, для всемирных коммуникаций (Smyth, 1854, p. 311).

Однако этот геополитический дискурс не распространился на Черноморско-Азовский регион — к тому времени его уже контролировали Османская и Российская империи. С тех пор вплоть до сегодняшнего дня Великобритания сохраняет в макрорегионе свое присутствие, а британские ученые весьма активны в изучении Средиземноморья. Парадоксальным образом именно они поддерживают узкогеографическую, талласоцентричную и фрагментированную интерпретации Средиземноморья. После «брекзита» ситуация приобретает еще больший драматизм: Великобритания лишается последних оснований претендовать на роль региональной державы в Средиземном море, сохраняя за собой лишь зыбкие позиции в Гибралтаре.

² *Mediterranean Politics*. URL: <https://www.tandfonline.com/toc/fmed20/current> (accessed: 15.05.2021).

Тесно связан с британским евроатлантический проект Средиземного моря. Еще Т. Пейн (Paine, 2010) говорил о необходимости приобретения США средиземноморских проливов, а уже спустя 200 лет, во второй половине XX в., ведомый Вашингтоном Североатлантический альянс обеспечил себе присутствие во всем Средиземноморском регионе, не исключая на сей раз и Турции, а значит — Черноморья. При этом СССР в целом удавалось не только сбалансировать влияние США в регионе, но и симметрично отвечать в Карибском бассейне и водах Северной Атлантики.

Евроатлантический проект должен был закончиться после холодной войны, но, как и все геополитические дискурсы, обрел жизнь после смерти и даже претерпел гегемонистскую реинкарнацию — США до сих пор пытаются контролировать регион, несмотря на критический настрой даже таких союзников, как Франция, Италия и Турция. Однако пределы проекта очевидны: средиземноморская политика США приводит в основном к разрушительным последствиям и нарушениям международного права. Среди последних вопиющих примеров — признание израильскими сирийских Голанских высот. У США также недостаточно ресурса для контроля над всем Средиземноморьем (Kalaitzidis, 2015; Laipson, 2018).

В целом американские стратеги также видят его в терминах «разделяй и властвуй». Фрагментированное рассмотрение Средиземноморья — это разметка региона по условным «квадратам» и сферам влияния, удобным для осуществления геополитических операций. Отсюда конструкты «Большой Ближний Восток», «Большое Причерноморье». Таким образом, вроде бы самостоятельные дискурсы, разделяющие Средиземноморье на субрегионы, на самом деле вписываются в логику трансрегиональных проектов. Их общая схема такова: локализация (то есть определение удобных с операционной точки зрения и стратегически значимых субрегионов), освоение (создание устойчивой инфраструктуры геополитического влияния в субрегионе), присвоение (создание системы извлечения

ресурсов), отторжение (выход из субрегиона после исчерпания ресурса, завершения проекта или возникновения непреодолимых препятствий).

Геополитические модели малых региональных держав при всей кажущейся аутентичности на самом деле являются воплощением стадии локализации в рамках больших геополитических проектов — они выступают инструментом в геополитической борьбе великих держав. Так, Адриатико-Ионический регион (одна из региональных инициатив ЕС) включает в себя Грецию, балканские государства и отдельные регионы Италии. В этом виде он явно направлен на ограничение балканского влияния России и самостоятельности северных итальянских регионов.

Бинарные оппозиции, характерные для классической геополитики, ярко выражены в дискурсах о Средиземноморском регионе. Темы цивилизованного Запада и варварского Востока, высокотехнологичного Севера и отсталого Юга характерны и для политических, и для академических текстов (Ашерсон, 2017). Далее в статье показано, что направленность цивилизационных и технологических влияний в истории Средиземноморья была различной.

С политологической точки зрения наиболее интересна деконструкция бинарной оппозиции «устойчивая европейская система суверенных государств» — «восточный круговорот несостоятельных деспотий, империй и теократий», то есть оппозиция политического развития различных частей макрорегиона. На практике же старейшие нации типа Франции и Испании сталкиваются с проблемами территориальной целостности, а также постоянно выступают с имперскими инициативами в направлении, например, африканских государств. «Восточная» «имперская» Россия, напротив, активно поддерживает государственный суверенитет и целостность (не вопреки законно выраженному праву народов на самоопределение) — в Сербии, Сирии, Ливии.

Исторически Вестфальская система на фоне средиземноморских процессов кажется дидактической условностью из учебника по

международным отношениям — входившие в нее державы в Средиземноморье решительно не признавали ничей суверенитет, в отличие от борющихся за независимую Грецию и Балканы и даровавших конституцию Польше «русских империалистов». Именно бинарные оппозиции в геополитической практике и дискурсе порождают пресловутые двойные стандарты, или еще конкретнее — непризнание русского народа средиземноморским ведет к непризнанию российских Крыма и Севастополя — в отличие от Косова, Иерусалима, Голанских высот.

За фазой критики существующих геополитических практик и дискурсов должно следовать *социальное* конструирование макрорегиона, основанное на структурных реалиях современного регионального и глобального развития. Далее будет предложен вариант исторической реконструкции истории Средиземноморья в «большом времени» и новом пространственном масштабе.

Большое Средиземноморье: новые масштабы региона

Фернан Бродель предложил «расширенное» понимание Средиземноморья. Его концепция очень часто неверно трактуется как географико-детерминистская или структуралистская. Согласно его определению (Бродель, 2002, с. 237), пространственные границы Большого Средиземноморья задаются своего рода силовым полем или источником света, которые генерирует Средиземное море. Но агентом выступает не эта масса или природно-климатический ареал вокруг нее, а люди, общества и экономики. Соответственно источником силы или света является не морская стихия, а человеческая деятельность — социальная, хозяйственная, просветительская. Бесспорно, море — само по себе ресурс, но в исторической динамике Средиземноморья этой массе должно быть придано ускорение — стратегия, воля и разум народов, стремящихся к морю и освоению пространства вокруг него. Движение является двусторонним — народы моря, опираясь на его ресурсы, осваивают сушу, а континентальные народы стремятся к нему для обретения

новых ресурсов и возможностей максимального продвижения в мире своих замыслов и интересов. Диалектика этих процессов и задает пространственно-временные измерения Средиземноморья, и в определенной точке времени оно может простираться сколь угодно далеко от географических границ Средиземноморского бассейна.

Ф. Бродель поясняет смысл расширительного понимания Средиземноморья на примере Сахары: в своей книге он переворачивает конвенциональную карту мира и располагает, таким образом, Сахару над Средиземноморьем. Во-первых, тем самым он избавляется от довлеющего над Средиземноморьем евроцентричного подхода, в котором Европа всегда сверху, то есть доминирует. Во-вторых, Бродель подчеркивает, что Средиземноморье, как ни парадоксально, — не только и не столько море и его берега, сколько совершенно не похожая на него и поэтому тяготеющая к нему (как притягивающаяся противоположность) континентальная масса. В-третьих, Ф. Бродель обнаруживает общие для Сахары и Средиземного моря черты: способность выступать средоточием многосторонней коммуникации.

Оптика Ф. Броделя безусловно связана с французским историко-политическим опытом. Франция всегда расширяла свое средиземноморское влияние на юг, как раз в сторону Сахары. Но концепция Ф. Броделя шире «конъюнктурной истории»: ее экстраполяция на другие континентальные массивы и иной исторический материал позволяет «достроить» Большое Средиземноморье, и тогда его «другим лицом» станет не только Сахара, но и Аравия, Средний Восток, Закавказье, Евразийская степь и долины русских рек.

В то же время современные средиземноморские исследования скорее тяготеют к распространению Средиземноморья в евроатлантическом направлении. Это объяснимо с конъюнктурно-исторической точки зрения: после распада СССР именно атлантизм уверенно доминировал в регионе. Не противоречит эта точка зрения и описанному выше броделевскому подходу, но она привела к существенным уклонам и сужениям исторических

и геополитических границ Средиземноморья, что, на наш взгляд, негативно сказалось и на развитии научного знания о регионе, и на самом регионе.

Другим ученым, внесшим вклад в концепцию БС, является Д. Абулафия, хотя его взгляд на Средиземноморье представляется парадоксальным и даже противоречивым. С одной стороны, он расширяет понятие Средиземноморья далеко за пределы его конвенциональных географических границ, называя Средиземноморьем любой участок моря или суши, соединяющий культуры, развивающиеся в разных обстоятельствах. Более того, он выделяет категорию «Глобального Средиземноморья», имея в виду, что этими свойствами связности и проводимости сегодня обладает весь мир (Abulafia, 2010).

Следует отметить, что идеи Д. Абулафия имеют предшественников — исследователей классической геополитики Ф. Ратцеля (Ratzel, 1911) и Х. Маккиндера (Mackinder, 1943). Первый ввел универсальную типологию морей, различив открытое, закрытое и срединное море. Таким образом, Средиземное море оказывается далеко не единственным в ряду срединных морей и разделяет с ними общий существенный признак. У Х. Маккиндера Средиземное море выступает частью внутреннего полумесяца, а другие глобальные срединные океаны, которые сегодня оказываются глобальными «средиземноморьями» (например, Индийский), образуют полумесяц внешний. При этом Д. Абулафия сужает Средиземноморье «классическое», то есть собственно топонимическую область Средиземного моря, ограничивая его пространством от Гибралтара до Босфора. Так, Причерноморье оказывается отдельным Средиземноморьем, отдельно рассматривается и Восточное Средиземноморье (все, что восточнее Апеннинского полуострова).

В этой точке зрения есть целый ряд уязвимых мест.

Во-первых, внутренняя логика, вернее, ее нарушение. Если Средиземноморье — это сфера контактов принципиально различных культур, то особенности Северного Причерноморья и его внешнее отличие от культур

«средиземноморского типа» только подчеркивают продуктивность и эвристичность максимально широкой трактовки Средиземноморья от Гибралтара до Приазовья.

Во-вторых, тезис об изолированности Причерноморья от «классического Средиземноморья» не выдерживает критики: именно в классический период связи Понтийской системы с цивилизационными ядрами Средиземноморья были разносторонними и взаимными. Главная причина — греческая колонизация, сменившаяся римской, и культурно-цивилизационный синтез греков и автохтонных народов, осуществленный, например, в рамках Боспорского царства в Северном Причерноморье — крупнейшего после Римской империи государства Средиземноморья начала нашей эры.

Значение Причерноморья для морской торговли убедительно иллюстрируют события описанной Фукидидом Пелопоннесской войны, которая была связана с контролем над Босфором и проходящими через него торговыми потоками. Наиболее репрезентативным географически и геоэкономически является пример восточно-средиземноморского греческого города Диоскурия, при римлянах получившего название Себастополис — крупнейшего торгового хаба Средиземноморья, выступавшего местом интенсивной торговли, которую вели представители десятков народов (на его месте сейчас находится Сухуми, столица непризнанной Республики Абхазия). Как пишет Страбон, «...эта же Диоскуриада является началом перешейка между Каспийским морем и Понтом и общим торговым центром для жителей, живущих выше, и соседних народностей. Во всяком случае, в этот город собирается семьдесят народностей (согласно другим, которые вовсе не заботятся о действительности, даже 300). Все они говорят на разных языках, так как живут врозь и замкнуто в силу своей гордости и дикости. Большинство их — это сарматы, но все они кавказцы. Таковы мои сведения о Диоскуриаде» (Страбон, 1994, с. 14—19).

В дальнейшем мощным посредником в коммуникациях между Адриатико-Ионическим и Черноморским субрегионами

Средиземноморья выступала Византия, а к концу первого тысячелетия нашей эры усилилась роль норманнов, для которых восточный путь «в греки» по Днепру и, возможно, Дону имел не меньшее значение, чем западный, атлантический.

При этом если товары, которые северо-восточные народы предлагали грекам и римлянам в Диоскурии-Себастополесе можно считать примитивными плодами «охоты и собирательства» (хотя это будет сильным преуменьшением скифских, сарматских и других постиндоевропейских достижений), то викинги в одностороннем порядке без всякой торговли предъявили Средиземноморью такие технологии, как килевое судно, прочный металл и сразу несколько видов компасов, взамен забирая то, что хотели. Византию, соединившую Понт и Ионику, можно назвать цивилизацией западного происхождения, хотя это также будет крайним сужением ее значения, которое заключалось в христианской реинкарнации греческого мира. А греческие полисы типа Херсонеса на юго-западной оконечности Крыма и по всем его берегам были несомненной частью этого мира уже за тысячу лет до момента основания Константинополя.

Игнорирование монгольского периода как времени глубочайшего влияния Крыма на Средиземноморье при всей неочевидности или негативной оценке этого влияния для европейской, да и российской историографии прошлых веков с позиций современного исторического знания кажется существенным просчетом. Новейшие исследования показали, что:

1) монголы вели интенсивную торговлю с «коренными» средиземноморскими народами, прежде всего венецианцами и генуэзцами, через черноморско-азовские «эмпориумы» Кафу и Тану в XIII—XV вв.;

2) номенклатура товаров, которые они могли предложить итальянцам эпохи Возрождения, отнюдь не ограничивалась мехами и рабами, но включала в себя «высокотехнологичную» продукцию из Китая, бывшего в тот момент передовой мировой цивилизацией;

3) сама монгольская империя представляла собой весьма продвинутую форму

организации, использовавшую трансевразийское почтовое сообщение и бумажные деньги;

4) монголам, возможно, удалось транслировать в Большое Средиземноморье саму идею трансконтинентальной коммуникации, придать технологический импульс и пассионарный порыв, который вывел средиземноморские народы в Новый Свет;

5) монголы создали евразийское Средиземноморье как раз в понимании Д. Абулафия, как обеспечение контактов доселе автономных культур и цивилизаций — целостность и протяженность «ямской» системы монголов значительно, кратно превосходила известные на тот момент средиземноморские коммуникации и их исторические прецеденты типа римской системы дорог (Модельски, 2005а).

Мы не будем описывать здесь глубину юго-восточного влияния на Средиземноморье от первых империй, пришедших к морю из Междуречья (которое также может считаться своеобразным срединным месторазвитием) — оно изучено несколько больше, и его значение почти не преуменьшается. Однако если иудео-христианское наследие Средиземноморья не подвергается никакому сомнению, то влияние арабского (позже — исламского) Востока и персидской традиции часто игнорируется. Вместе с тем этот источник средиземноморской цивилизации принес или вернул Европе целый ряд *essentials* — от математики и спасенных работ античных греков до правил личной гигиены. Отчасти подобно монголам, давшим средиземноморцам китайские компас, порох и бумагу, арабское цивилизационное течение вынесло Западное Средиземноморье в Новый Свет, дав толчок, в частности, развитию технологий навигации (так, благодаря арабскому влиянию получил развитие университет Саламанки, ставший, по сути, центром управления испанскими морскими экспедициями — его «кампус» похож на караван-сарай).

Подобным же образом, хотя и без тонких цивилизационных влияний, Западную Европу «вытолкнули» на поиск новых торговых путей турки-османы, захватившие Константинополь.

Но они не столько закрыли ворота между Понтом и Средиземным морем, изолировав от последнего Черноморского-Азовский регион, сколько изолировали средиземноморских купцов от Понта, приватизировав торговые потоки и сделав их односторонними — только через Блистательную Порту. В ответ ангlosаксы сделали в XIX в. однонаправленным колониальное движение с Запада на Восток по Средиземному морю. Все это — подтверждение исторической субъектности Черноморской системы в общесредиземноморских культурно-цивилизационных обменах.

Далее Д. Абулафия демонстрирует определенный редуционизм в понимании кросс-культурных контактов, сводя их исключительно к торговле и воспринимая последнюю сугубо презентистски, с точки зрения прибавочной стоимости товара. С этих позиций он делает вывод (как мы видели выше — спорный) о вторичности восточно-средиземноморских рынков и их отсталости от западного стандарта. В этой позиции есть флер британского империализма и колониализма, но попробуем оспорить точку зрения Д. Абулафии исходя из ее внутренней логики.

Британский ученый развивает, на самом деле, экономикоцентричную методологию Ф. Броделя. Французский ученый скорее структурный марксист, склонный к антиколониализму, в отличие от либерально настроенного Д. Абулафии. Но Ф. Бродель в «Материальной цивилизации, экономике и капитализме» показывает, что до возникновения мир-экономик доминирующей формой крупномасштабной общественной организации была мир-империя.

Именно на этой теории основывается приведенная выше гипотеза Дж. Модельски о передаче монголами эстафеты новой форме организации глобальных коммуникаций. Однако Дж. Модельски учитывает, что имперская форма организации сохранилась в Евразии как минимум до начала XX в., когда распались Российская, Австро-Венгерская и Османская империи. Эти империи составляли конкуренцию Британской в Восточном Средиземноморье, и их цели нужно искать не только и не столько в торгово-экономической

плоскости. Они боролись за власть, причем не экономическую, а символическую — распространение религий и церквей, духовной культуры.

Империя есть политическая форма цивилизации, а средиземноморские цивилизации были и остаются фундаментально различными по принципам своего строения, и в этом смысле броделевские «материальная цивилизация, экономика и капитализм» есть весьма частный случай в истории Большого Средиземноморья, причем Ф. Бродель в этом прекрасно отдает себе отчет. Так, формообразующими для региона может считаться распространение христианской цивилизации или диалектика ислама и иудео-христианской традиции. В этой перспективе торгово-экономические отношения, хотя они, если отбросить ханжество, далеко не чужды иудеям, христианам и мусульманам, отходят на второй план.

В этой логике мы также обнаружим разделительные линии в Средиземноморье, но они будут гораздо сложнее бинарных оппозиций в стиле «продвинутый Запад — отсталый Восток» и вообще не будут связаны с принятым в классической геополитике «обращением времени в пространство». Мы не поймем границ Средиземноморья, если будем изучать лишь географию находок монет — нам, например, нужно будет учитывать распространение корсунских крестов (до севера европейской части России, в частности Переславля, — на 100 км севернее Москвы).

Итак, напомним, Средиземноморье — не только силовое поле, но и источник света, то есть гуманитарных, культурных, религиозных, духовных влияний. Его границы задаются не только лимесом империй, конечными точками торговых и почтовых путей, но и совпадают с ареалами распространения традиций, религий и церквей. Введение термина Большое Средиземноморье — это не только расширение его географической трактовки за счет «присоединения» континентальных проектов или переноса значения Средиземноморья на аналогичные участки земной поверхности, где происходит интенсивная многосторонняя коммуникация. Это расширение

его размерности за счет принятия во внимание различных цивилизационных измерений — как материального, так и идеационального характера. И даже, смеем утверждать, это повышение его значения как Высокого Средиземноморья, то есть понимание его с точки зрения высочайших образцов человеческой культуры.

Россия в Большом Средиземноморье

Именно в этом измерении Средиземноморье оказало значительное культурно-цивилизационное влияние сначала на Крым зари нашей эры — здесь проповедовал апостол Андрей и переживал изгнание папа Климент, строились пещерные монастыри — за 1000 лет до Киево-Печерской Лавры. Далее через Византию при посредничестве греческого Херсонеса Средиземноморье системно влияло на Древнюю Русь, а потом и на постмонгольскую Московию — практически напрямую из Греции и Италии. Можно говорить о непосредственной причастности византийских интеллектуалов не только к династическому приобщению Московского государства к Палеологам, но и их влиянию на духовную и материальную культуру будущего царства. Причем и по замыслу, и по содержанию в этом влиянии объединялись и греческое, и латинское наследие Средиземноморья.

В результате этого влияния сформировался уникальный славяно-греко-латино-монгольский синтез, который оказался чрезвычайно «заряженным» и уже через два — три столетия оказался способным к возвращению цивилизационного импульса в Средиземноморье — начиная с Азовских походов Петра и заканчивая (только к концу XVIII в.) созданием Республики семи островов и Мальтийской губернии Российской империи.

В чем вклад этого возвращения в историю центральной средиземноморской цивилизации? Благодаря ему были, по сути, спасены православная греческая и славянская культура и государственность на Балканах, Пелопоннеском полуострове и окружающих островах. В значительной степени русское военное и военно-техническое присутствие в Средиземноморье в период Великой

французской революции и наполеоновских войн способствовало защите от разграбления Италии, главной сокровищницы средиземноморского наследия. Таким образом, огромный фрагмент средиземноморской цивилизации был сохранен и «отреставрирован» Россией, причем сама она не извлекла из этого заметных материальных выгод.

Кроме того, в Северном Причерноморье и Приазовье была построена по сути «новороссийская» цивилизация: новые форпосты, крепости, производства и университеты — на местах, где доминировала глубоко традиционная сельская или полукочевая культура — Кубань, Тамань, Таврида, Запорожье. Россия примерно с середины XVIII до начала XX столетия обеспечивала в макрорегионе баланс сил, не позволявший ни Англии, ни Турции, ни Франции стать средиземноморским гегемоном. Это означает, что благодаря России, возможно, регион не претерпел еще большей цивилизационно-культурной эрозии в результате британского эгоизма, французского варварства и турецкой жестокости.

Вместе с тем Россия не пользовалась возможностями построения средиземноморской «островной империи», отказываясь от покупки и завоевания Минорки, Пароса, Корфу, Неаполя, Мальты. Более того, даже при реализации «греческого проекта» «Новая Византия» Екатерины Великой должна была сохранять независимость от ее монархии.

Чистоту помыслов Екатерины подтверждает дальнейшая политика российских государств по отношению к Республике семи островов — империя не чинила препятствий ее независимости. Это позволяет сделать парадоксальное открытие относительно влияния России на нацистроительство в Восточном Средиземноморье. «Тюрьма народов» на поверку оказывается весьма прогрессивной силой, непосредственно повлиявшей на создание независимых государств — Греции, Сербии, Болгарии, Румынии и противостоявшей османской, британской и наполеоновской империям. Таким образом, Россию в этот период можно назвать «нормативной державой», как сегодня говорят о ЕС. Она в высокой степени способствовала не только

сохранению и реставрации средиземноморского наследия, но и политическому развитию региона.

Отдельно необходимо сказать о религиозном влиянии. Будучи принципиально важным для понимания самих сути и смысла Российской империи, православие (или «греческая» вера и церковь) никогда не принимало воинствующего характера крестовых походов. Наоборот, российское консульское и паломническое присутствие на Святой Земле в конце XVIII—XIX вв. можно считать прообразом мягкого влияния в международных отношениях. Русский исход из Севастополя, с одной стороны, стал «последним издыханием» Российской империи, но он же породил серьезный культурный импульс для Средиземноморья, достигнув Стамбула, Туниса, Парижа и далее. В том числе в силу этого «испускания духа» ранняя Советская Россия отсекала себя от Средиземноморья, допустив создание первых революционных квазигосударств на территории нынешней Украины, а в дальнейшем упустив средиземноморскую инициативу вплоть до 1944 г. — тогда, более 75 лет назад, началась Крымская наступательная операция. Уже через год, в 1945 г., в жемчужине российского Средиземноморья — Ялте — прошла конференция «большой тройки» — лидеров СССР, США и Великобритании.

В полном смысле Советский Союз возвратился в Средиземноморье уже в другом качестве и в рамках совершенно другой цивилизационной модели — «коммунистической». В этом качестве он оказал решающее влияние на социально-экономическое развитие ряда ближневосточных и североамериканских государств, на общесистемном и региональном уровне вновь обеспечивая баланс сил. СССР присутствовал в Сирии, Египте, Тунисе, Югославии, играл решающую роль в Болгарии и Румынии и владел всем Северным Причерноморьем. Мобильное присутствие СССР обеспечивалось в Средиземном море и далеко за его пределами (вплоть до Карибского «средиземноморья») благодаря 5-й Средиземноморской эскадре ВМФ Советского Союза.

Существовавшие в советское время подходы и представления об этом регионе основывались на геополитических реалиях периода холодной войны, на межцивилизационные конфликты накладывались идеологические противоречия и связанные с ними клише, применялась марксистская методология. При этом в советской военно-политической стратегии и географии присутствовало целостное представление о регионе Средиземноморья (Арбатова, 1990). Геостратегически оно подкреплялось действиями в Средиземном море и далее — вплоть до Западной Атлантики. Советские ученые лидировали в изучении ближневосточной проблематики — как в теории, так и в целях практической политики.

Итоги советской средиземноморской политики противоречивы: с одной стороны, не было выстроено ни одной устойчивой социальной и государственной модели, при этом по отдельным показателям государства Юго-Восточного Средиземноморья сумели совершить прорыв. Баланс сил обеспечивался, но его побочным эффектом стали хронические конфликты, прежде всего арабо-израильский (хотя последний нельзя сводить к следствиям советской или американской средиземноморских политик — он гораздо глубже и многослойнее). С другой стороны, многие достижения советской модели были разрушены Западом под влиянием синдрома победы в холодной войне уже в последние десятилетия. Это и Югославия, и Ливия, и Сирия. Неоднозначны и оценки присоединения к ЕС Болгарии и Румынии, втягивание в орбиту ЕС и НАТО Украины и Грузии.

В любом случае, если оценивать влияние СССР не с точки зрения плюсов и минусов, а с точки зрения масштаба, можно смело утверждать, что Советский Союз оказал решающее влияние на глобализацию Средиземного моря, включив его в важнейшие проекты Евразии и планетарные проекты XX в. — индустриальный, ядерный, космический. Но и уход был столь же масштабным: после распада СССР новая Россия практически утратила статус средиземноморской державы (как и в целом статус державы мировой). Была распущена Средиземноморская

эскадра, отданы Крым и Севастополь, средиземноморские базы, из орбиты влияния выпали Болгария и Румыния, утрачены связи с арабским миром, была допущена последовательная деконструкция Югославии вплоть до отделения Косова от Сербии. Как минимум до 2008 г. Россия сдавала средиземноморские позиции. Однако после активного вовлечения в грузино-южноосетинский конфликт, которое сопровождалось и решительными действиями России на море, началось постепенное возвращение в макрорегион, приведшее к ситуации, описанной в начале статьи.

Период фактического отсутствия России в «Большой средиземноморской игре», вопреки ожиданиям критиков, привыкших видеть в СССР и России корень всех бед, оказался не самым счастливым в истории региона, особенно в его ближневосточной части. Здесь произошли наиболее brutальные нарушения норм международного права и ожесточенные конфликты: Ирак, Югославия, Ливия, Сирия и др.

В постсоветский период и до недавнего времени Средиземноморье исследовалось на субрегиональном уровне (Восточное, Западное Средиземноморье и т. п.) или же «распределялось» по принадлежности к соответствующим академическим институтам — Востока, Европы, Африки, где появлялись весьма интересные научные исследования, такие как проект Института Европы РАН и Института стратегических оценок и анализа «Средиземноморье — Черноморье — Каспий»: между Большой Европой и Большим Ближним Востоком» (2006). Отметим макрорегиональный и даже «метарегиональный» подход объединенных данным проектом ученых, точно определенную ими логику формирования в конце XX — начале XXI в. новых «больших пространств» — Большого Среднего Востока (БСВ) и «Большой Европы». Под ней подразумевается макрорегион Европейского союза — на тот момент «самого конструктивного в истории международных отношений и до сих пор очень успешного проекта европейской интеграции» (Средиземноморье — Черноморье — Каспий..., 2006).

Новые «большие пространства», несмотря на все отличия по инструментарию гуманитарно-интервенционистского проекта БСВ от гуманитарно-технологического Евросредиземноморского проекта, работали в одной логике и были призваны «перекрыть» пост-биполярные разломы в Европе, на Ближнем Востоке, в Северной Африке, а в итоге перформатировать пространство под деятельность новых успешных игроков евроатлантического мира — США и ЕС.

Очевидно, что в таком политико-географическом, геополитическом и геостратегическом ландшафтах не находилось места России, которая стремительно теряла влияние на Ближнем Востоке, не могла решать приоритетные геополитические проблемы на Балканах, реализовывать стратегические геоэкономические проекты. Однако американский и европейский проекты «больших пространств» к концу первого — началу второго десятилетия XXI в. оказались в состоянии кризиса: США столкнулись с проблемами в Ираке и Сирии; реализацию проектов Союза для Средиземноморья существенным образом затормозили мировой финансово-экономический кризис, последовавшая за ним «арабская весна» и внутренние проблемы в ЕС, в частности выход Великобритании из Союза (Gozzi, 2018).

Таким образом, к 2014 г. в целом сложились геополитические предпосылки для прорыва, а затем и планомерного вхождения России в Средиземноморский регион. В обозначенной нами логике это актуализирует научную задачу новой политико-географической концептуализации региона и его многомерно-го исследования на основе методов современной политической географии и геополитики (Нечаев и др., 2019, с. 68).

Возвращение России в регион также сопровождается серьезными потрясениями, однако уже сейчас очевидно, что ее действия способствуют установлению баланса сил в макрорегионе, государства которого в течение 25 лет становились объектом ничем не сдерживаемого деструктивного вмешательства со стороны США и ряда их европейских союзников. Роль Европейского союза в

Средиземноморье нельзя оценивать однозначно, однако в целом в самой европейской литературе преобладает представление о евро-средиземноморском проекте как не оправдавшем ожиданий. В любом случае, сегодняшний ЕС сталкивается с рядом внутренних проблем, которые ставят под сомнение успех любых внешних инициатив Союза. Более того, расширение ЕС достигло пределов. При этом возросли роль и степень субъектности региональных держав — Турции, Ирана, Саудовской Аравии. Основным трендом последних лет стало мощное движение Китая в направлении Средиземноморья, недавно приведшее к подписанию договора с Италией³.

Таким образом, можно говорить о евразийском повороте в геополитике и геоэкономике Средиземноморья, одним из драйверов которого является Россия. Этот поворот может быть связан с особой ролью России в евразийских процессах, которая далеко не исчерпывается ее геостратегическим положением, но связана с ее цивилизационным, научно-технологическим потенциалом, а также глобальными политическими возможностями. В контексте статьи важно отметить, что Россия здесь не выступает с «единственно верным» подходом и не противопоставляет себя «коллективному Западу». Наоборот, в логике структурной геополитики Россия следует гибкому многостороннему подходу, привлекает к своим проектам ряд евразийских держав, использует новейшие геостратегические тренды.

Евразийско-средиземноморский транзит

В статье понятие «транзит» будет иметь три смысла: 1) привычный, транспортно-логистический; 2) цивилизационный, по аналогии с приводившимся выше переходом,

³ Memorandum d'intesa tra il governo della Repubblica Italiana e il governo della Repubblica Popolare Cinese sulla collaborazione nell'ambito della "via della seta economica" e dell' "iniziativa per una via della seta marittima del 21° secolo". URL: https://www.governo.it/sites/governo.it/files/Memorandum_Italia-Cina_IT.pdf (accessed: 16.05.2021).

осуществленным монголами; 3) режимно-политический, предусматривающий трансформацию политических режимов.

В первом смысле логистические возможности Евразии для средиземноморского транзита беспрецедентны: смещение мирового центра экономической активности в Азию при сохранении основного потребительского рынка в Евроатлантике наряду с появлением новых видов транспорта и коммуникаций превращает евразийско-средиземноморскую связку в самый перспективный транзитный путь XXI в. Держателями южных веток этого пути, скорее всего, являются Китай, Индия, Пакистан, Иран, Ирак и Турция. России будет весьма сложно в условиях блокады Крыма перенаправить эти нити в Черноморский регион. Однако в отношении Северного морского пути (СМП) Россия занимает выигрывающую конкурентную позицию. Огромным геополитическим и геоэкономическим потенциалом обладает проект соединения самой западной точки СМП с Причерноморьем: он фактически образует замкнутый цикл современного евразийского транзита. Его вторым контуром являются газопроводы «Северный поток» и «Турецкий поток».

Дж. Модельски, разработавший концепцию «евразийского переноса» применительно к событиям X—XV вв., говорит о том, что линейные коммуникации «шелковых путей», обеспечившие передачу монголами достижений династии Сун и коммуникативных практик кочевников в Европу, с открытием Нового Света уступают место циркулярным (вокруг континентов), а затем и неплоскостным сферическим (авиакосмическим) коммуникациям (Модельски, 2005b). Сегодняшний транзит не только закольцовывает линейные коммуникации вокруг всей Евразии (единственный материк, вокруг которого до сих пор не было завершено кольца транспортных коммуникаций), но и имеет потенциал обеспечения связности всех типов и уровней сообщения благодаря глобальной навигации и цифровизации транспортных потоков. Именно этот смысл заключен в китайской концепции *Digital Silk Road*.

Однако и в глобальной навигации Россия имеет собственные преимущества, развертываемая система ГЛОНАСС и одновременно развиваемая противоспутниковое оружие, а также обладая передовыми кибернетическими инструментами. В этой конфигурации Россия будет иметь контрольный пакет евразийского транзита, даже если основные его нити пойдут южнее границ России. Кроме того, обозначенная модель коммуникаций «сшивает» ряд «средиземноморий» со Средиземноморьем классическим: Евроатлантика, Балтика, Арктика, АТР, дальневосточные моря, Индийский океан, Красное море в сочетании с Евразийской степью и Сахарой образуют, континентальный шельф, Международный коммуникативный океан нашего времени.

Евразийский транзит во втором смысле подразумевает более высокую миссию, нежели военный контроль цифровых проливов и транспортных хабов: он предполагает привнесение новых, передовых элементов цивилизации. Россия, в отличие от Китая, не является глобальным технологическим лидером, но рассчитывает осуществить технологический прорыв в горизонте 2025—2035 гг. По отдельным технологиям он вполне осуществим: очень показательным в контексте статьи является, например, ведущая роль России в международных коллаборациях по исследованию элементарных частиц. В частности, из Московского региона планируется пуск частиц нейтрино в уловитель, расположенный в Северо-Западном Средиземноморье. Это, возможно, предвестие появления нового типа коммуникаций — кросс-сферических, хордовых.

Исходя из нашей концепции идеациональных границ Большого Средиземноморья, нельзя не коснуться транзита нематериальной цивилизации. В условиях глубокого кризиса морально-нравственных основ как восточной цивилизации (проявляющегося, в частности, в феноменах терроризма и радикализации ислама), так и западной (где наблюдается эрозия традиционных норм сексуальности, общения, права и морали) Россия и другие государства Востока предлагают умеренно-консервативную альтернативу. Ценности мировых религий, семьи, суверенной госу-

дарственности, классической культуры активно продвигаются Россией именно в регионе БС (Пальмира и Херсонес) и именно в ведущих странах региона (Италия, Франция, Испания, Греция, Турция, Израиль) могут найти благодатную почву. В определенном смысле Россия вновь «возвращает» в регион его цивилизационное наследие, возрождает «похищенную Европу», потому что эти ценности являются истинно европейскими.

На этом фоне отпадение от Европы англосаксонского мира в результате «брекзита» и «постнеоизоляционизма» Д. Трампа также содействует евразийскому вектору транзита.

Наиболее сложным является вопрос о третьем смысле транзита — политическом. Интересным образом Средиземноморье за последние 50 лет образовало своеобразную «воронку» или «водоворот» политических транзитов. От третьей волны демократизации в Южной Европе происходит переход к транзитам в Юго-Восточной Европе и далее — к цветным революциям в постсоветском Причерноморье и «арабской весне».

Особое внимание обращает на себя «русская весна», в результате которой произошел первый за 50 лет транзит, на который не оказали прямого влияния США и ЕС. Транзит в Крыму и Севастополе является примером мирного политического перехода и дальнейшего успешного социально-экономического развития (в отличие от многих инспирированных западными странами транзитов). При этом нельзя говорить о том, что этот переход стал авторитарной реакцией режима В.В. Путина на майдан — Крым и Севастополь стали субъектами Федерации, прошли выборы их глав (для Севастополя — впервые в истории). Сам переход был осуществлен благодаря референдуму, народам Крыма предоставлены особые права (так, крымско-татарский язык стал государственным в Республике Крым, что беспрецедентно), а в Севастополе сложился полиархический политический режим с острой конкуренцией элит и активным гражданским обществом.

По сути, России удалось обосновать и отстоять собственную модель содействия

демократическому транзиту, оказавшуюся на данном этапе более конструктивной, чем западная. При этом данная модель пока не является завершённой. Международное измерение евразийского политического транзита заключается в постепенном переносе в Европу подходов восточных держав к обеспечению безопасности — многосторонних, сбалансированных и мирных (невоенных). Этот подход противопоставлен однополярной, гегемонистской и милитаристской логике НАТО. Здесь наиболее уместно говорить о тихом транзите в сфере безопасности.

Таким образом, Россия представляет собой достаточно разностороннего актора в рамках начинающегося евразийского (тихоокеанско-средиземноморского) транзита. Она обладает уникальными естественными и

приобретенными преимуществами в сфере транспорта, безопасности, глобальной навигации, а также нормативным и интеграционным потенциалом. Россия является внутрирегиональной средиземноморской державой благодаря своему историческому и цивилизационному опыту. Миссией России в Большом Средиземноморье является не захват новых плацдармов, а участие в совместном сбалансированном развитии региона, основными ресурсами для которого станут технологические достижения и природные богатства Евразии. Влияние России в регионе построено на «мягкой» и «умной» силе — влиянии посредством ценностей, культуры, дипломатии в сочетании с современными технологиями, в том числе в военной сфере.

Поступила в редакцию / Received: 19.05.2021

Принята к публикации / Accepted: 10.06.2021

Библиографический список

- Арбатова Н.К. Средиземноморье: проблемы безопасности. М.: Наука, 1990.
- Ашерсон Н. Черное море. Колыбель цивилизации и варварства. М.: Corpus, 2017.
- Бродель Ф. Средиземноморье и средиземноморский мир во времена Филиппа II. М.: Языки славянской культуры, 2002.
- Ильин И.А. Наши задачи. Т.1. Париж: Издание Русского Обще-Воинского Союза, 1956.
- Модельски Дж. Эволюция глобальной политики (I) // Полис. 2005а. № 3. С. 62—82. DOI: 10.17976/jpps/2005.03.06
- Модельски Дж. Эволюция глобальной политики (II) // Полис. 2005b. № 4. С. 124—142. DOI: 10.17976/jpps/2005.04.10
- Нечаев В.Д., Чихарев И.А., Ирхин А.А., Маковская Д.В. Концепция геостратегического атласа Большого Средиземноморья // Вестник Московского университета. Серия 5: География. 2019. № 1. С. 67—75.
- Ротчев А.Г. Воспоминания русского путешественника. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991.
- Средиземноморье — Черноморье — Каспий: между Большой Европой и Большим Ближним Востоком / под ред. Н.П. Шмелева, В.А. Гусейнова, А.А. Язьковой. М.: Граница, 2006.
- Столетов О.В., Чихарев И.А., Москаленко О.А., Маковская Д.В. Геоинформационное сопровождение Средиземноморской ветви шелкового пути // ИнтерКарто. ИнтерГИС. 2019. Т. 25. № 1. С. 102—113. DOI: 10.35595/2414-9179-2019-1-25-102-113
- Страбон. География. Книга XI. М.: Ладомир, 1994.
- Чихарев И.А. Большое Средиземноморье как многомерный объект политических исследований // Полис. 2021. № 3. С. 129—146. DOI: 10.17976/jpps/2021.03.09
- Чихарев И.А., Бровко В.Ю. Цифровое регионоведение Большого Средиземноморья: контуры исследовательской программы // Русская политология. 2018. № 4 (9). С. 47—54.
- Abulafia D. *Mediterraneans* // *Rethinking the Mediterranean* / Ed. by W.V. Harris. Oxford: Oxford University Press, 2005. P. 64—94.
- Abulafia D. *The Great Sea: A human history of the Mediterranean*. Oxford: Oxford University Press, 2010.
- Bicchi F. *The Union for the Mediterranean, or the changing context of Euro-Mediterranean relations* // *Mediterranean Politics*. 2011. Vol. 16. Iss. 1. P. 3—19. DOI: 10.1080/13629395.2011.547365

- Campbell D. A journey over land to India, partly by a Route never gone before by any European, comprehending his Shipwreck and Imprisonment with Hyder Ali and his subsequent negotiations and transactions in the East. London: Cullen and Company, 1795.
- Gozzi G. Critical perspectives on Euro-Mediterranean relations after the “Arab Spring” // *International Journal of Political Science & Urban Studies*. 2018. Vol. 6. P. 19—38. DOI: 10.14782/ipsus.421015
- Irwin E. A series of adventures. London: Cullen and Company, 1785.
- Kalaitzidis A. US foreign policy in the Eastern Mediterranean: The limits of smart power // *The Eastern Mediterranean in Transition: Multipolarity, Politics and Power* / Ed. by S.N. Litsas, A. Tziampiris. London: Routledge, 2015. P. 51—63.
- Krausch K., Youngs R. The end of the ‘Euro-Mediterranean vision’ // *International Relations*. 2009. Vol. 85. No. 5. P. 963—975. DOI: 10.1111/j.1468-2346.2009.00841.x
- Laipton E. America and the Mediterranean: An arena for transnational threat management // *IEMed. Mediterranean Yearbook* / Ed. by L.A. Secat, H. Gallego. Barcelona: IEMed, 2018. P. 47—53. URL: https://www.iemed.org/wp-content/uploads/2021/04/IEMed-Mediterranean-Yearbook-2018_ENG.pdf (accessed: 16.05.2021).
- Litsas S.N. Russia in the Eastern Mediterranean: Intervention, deterrence, containment // *Digest of Middle East Studies*. 2016. Vol. 26. Iss. 1. P. 56—73. DOI: 10.1111/dome.12103
- Mackinder H. The round world and the winning of peace // *Foreign Affairs*. 1943. Vol. 21. No. 4. P. 595—605. DOI: 10.2307/20029780
- Martin R.M. History of the British possessions in the Mediterranean: Comprising Gibraltar, Malta, Gozo, and the Ionian Islands. London: Whittaker & Co., 1837.
- O’Tuathail G. Postmodern geopolitics? The modern geopolitical imagination and beyond // *Rethinking geopolitics* / Ed. by G. O’Tuathail, S. Dalby. London: Routledge, 1998. P. 16—38.
- Paine T. Thoughts on the peace, and the probable advantages thereof to the United States of America. A new edition. Philadelphia: Gale ECCO Print Editions, 2010.
- Purdy J. New sailing directory for the Mediterranean Sea. London: R.H. Laurie, 1826.
- Ratzel F. Das Meer als Quelle der Völkergrösse: eine politisch-geographische Studie. Munchen, Berlin: Druck und Verlag von W. Oldenburg in Munchen und Berlin, 1911.
- Smyth H. The Mediterranean: A memoir physical, historical, and nautical. London: J.W. Parker and Son, 1854.
- Zonova T. Mediterranean trend in the Russia’s foreign policy // *Rivista di Studi Politici Internazionali*. 2015. Vol. 82. No. 4. P. 521—529.

References

- Abulafia, D. (2005). Mediterraneans. In W. V. Harris (Ed.), *Rethinking the Mediterranean* (pp. 64—94). Oxford: Oxford University Press.
- Abulafia, D. (2010). *The Great Sea: A human history of the Mediterranean*. Oxford: Oxford University Press.
- Arbatova, N. K. (1990). *Mediterranean: Problems of security*. Moscow: Nauka publ. (In Russian).
- Ascherson, N. (2017). *Black Sea. The birthplace of civilization and barbarism*. Moscow: Corpus publ. (In Russian).
- Bicchi, F. (2011). The Union for the Mediterranean, or the changing context of Euro-Mediterranean relations. *Mediterranean Politics*, 16(1), 3—19. <https://doi.org/10.1080/13629395.2011.547365>
- Braudel, F. (2002). *The Mediterranean and the Mediterranean world in the age of Philip II*. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul’tury publ. (In Russian).
- Campbell, D. (1795). *A journey over land to India, partly by a Route never gone before by any European, comprehending his Shipwreck and Imprisonment with Hyder Ali and his subsequent negotiations and transactions in the East*. London: Cullen and Company.
- Chikharev, I. A. (2021). The Great Mediterranean as a multi-dimensional object of political research. *Polis. Political Studies*, (3), 129—146. (In Russian). <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.03.09>
- Chikharev, I. A., & Brovko, V. Yu. (2018). Digital regional studies of Greater Mediterranean: An outline of research program. *Russian Political Science*, 4(9), 47—54. (In Russian).
- Gozzi, G. (2018). Critical perspectives on Euro-Mediterranean relations after the “Arab Spring”. *International Journal of Political Science & Urban Studies*, 6, 19—38. <https://doi.org/10.14782/ipsus.421015>
- Ilyin, I. A. (1956). *Our tasks* (vol. 1). Paris: Izdanie Russkogo Obsheche-Voinskogo Soyuza publ. (In Russian).
- Irwin, E. (1785). *A series of adventures*. London: Cullen and Company.
- Kalaitzidis, A. (2015). US foreign policy in the Eastern Mediterranean: The limits of smart power. In S. N. Litsas & A. Tziampiris (Eds.), *The Eastern Mediterranean in transition: Multipolarity, politics and power* (pp. 51—63). London: Routledge.

- Krausch, K., & Youngs, R. (2009). The end of the 'Euro-Mediterranean vision'. *International Relations*, 85(5), 963—975. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2346.2009.00841.x>
- Laipton, E. (2018). America and the Mediterranean: An arena for transnational threat management. In L. A. Secat & H. Gallego (Eds.), *IEMed. Mediterranean Yearbook* (pp. 47—53). Barcelona: IEMed. Retrieved from https://www.iemed.org/wp-content/uploads/2021/04/IEMed-Mediterranean-Yearbook-2018_ENG.pdf
- Litsas, S. (2016). Russia in the Eastern Mediterranean: Intervention, deterrence, containment. *Digest of Middle East Studies*, 26(1), 56—73. <https://doi.org/10.1111/dome.12103>
- Mackinder, H. (1943). The round world and the winning of peace. *Foreign Affairs*, 21(4), 595—605. <https://doi.org/10.2307/20029780>
- Martin, R. M. (1837). *History of the British possessions in the Mediterranean: Comprising Gibraltar, Malta, Gozo, and the Ionian Islands*. London: Whittaker & Co.
- Modelski, G. (2005a). The evolution of global politics (I). *Polis. Political Studies*, (3), 62—82. (In Russian). <https://doi.org/10.17976/jpps/2005.03.06>
- Modelski, G. (2005b). The evolution of global politics (II). *Polis. Political Studies*, (4), 124—142. (In Russian). <https://doi.org/10.17976/jpps/2005.04.10>
- Nechaev, V. D., Chikharev, I. A., Irhin, A. A., & Makovskaya, D. V. (2019). Framework of the geostrategic atlas of the Greater Mediterranean. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 5, Geografiya*, (1), 67—75. (In Russian).
- O'Tuathail, G. (1998). Postmodern geopolitics? The modern geopolitical imagination and beyond. In G. O'Tuathail & S. Dalby (Eds.), *Rethinking geopolitics* (pp. 16—38). London: Routledge.
- Paine, T. (2010). *Thoughts on the peace, and the probable advantages thereof to the United States of America*. A new edition. Philadelphia: Gale ECCO Print Editions.
- Purdy, J. (1826). *New sailing directory for the Mediterranean Sea*. London: R.H. Laurie.
- Ratzel, F. (1911). *Das Meer als Quelle der Völkergrösse: eine politisch-geographische Studie*. Munchen, Berlin: Druck und Verlag von W. Oldenburg in Munchen und Berlin.
- Rotchev, A. G. (1991). *Memoirs of a russian traveler*. Moscow: Nauka. Glavnaya redakciya vostochnoj literatury publ. (In Russian).
- Shmelyov, N. P., Gusejnov, V. A., & Yaz'kova, A.A. (Eds.). (2006). *Mediterranean — Black Sea region — Caspian region: Between the Greater Europe and the Greater Middle East*. Moscow: Granitsa publ. (In Russian).
- Smyth, H. (1854). *The Mediterranean: A memoir physical, historical, and nautical*. London: J.W. Parker and Son.
- Stoletov, O. V., Chikharev, I. A., Moskalenko, O. A., & Makovskaya, D. V. (2019). Geoinformation support of the Mediterranean branch of the Silk Road. *InterCarto. InterGIS*, 25(1), 102—113. (In Russian). <https://doi.org/10.35595/2414-9179-2019-1-25-102-113>
- Strabo. (1994). *Geography. Book XI*. Moscow: Lodomir publ. (In Russian).
- Zonova, T. (2015). Mediterranean trend in the Russia's foreign policy. *Rivista di Studi Politici Internazionali*, 82(4), 521—529.

Сведения об авторе: Чихарев Иван Александрович — кандидат политических наук, доцент кафедры геополитики факультета глобальных процессов Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; ODCID: 0000-0002-8573-9271; e-mail: ichikharev@yandex.ru

About the author: Chikharev Ivan Alexandrovich — PhD in Political Science, Associate Professor, Department of Geopolitics, Faculty of Global Processes, Lomonosov Moscow State University; ODCID: 0000-0002-8573-9271; e-mail: ichikharev@yandex.ru